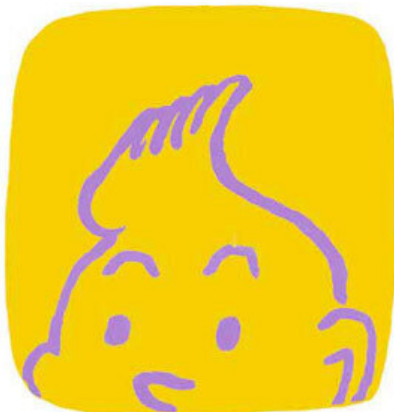

Ромен Пуэртолас

ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ

ОСОБЕННЫЙ

ДЕТЕКТИВ

Секретер

Ромен Пуэртолас

Очень-очень особенный детектив

«Самокат»

2017

Пуэртолас Р.

Очень-очень особенный детектив / Р. Пуэртолас — «Самокат»,
2017 — (Секретер)

ISBN 978-5-00167240-1

Помните загадку Эйнштейна? Ну, ту самую, где англичанин живет в красном доме, в зеленом доме пьют кофе, у всех разные домашние животные, и надо выяснить, кто пьет воду и кто держит зебру? Всего 2% населения Земли могут решить эту загадку. А вот Гаспар, очень-очень особенный детектив, разгадал ее меньше, чем за час. Что же в этом такого особенного, спросите вы? А то, что Гаспар — не только обладатель сверхчувствительного обоняния, двух работ в Париже и множества разноцветных тетрадок, куда он записывает удивительные факты из жизни и гугла. Дело в том, что Гаспар — обладатель лишней хромосомы. У него синдром Дауна. Детектив с синдромом Дауна берется за расследование убийства в специальном интернате. И правда, которую он узнает, страшней и удивительней всего, что ему до того удавалось узнать.

ISBN 978-5-00167240-1

© Пуэртолас Р., 2017

© Самокат, 2017

Содержание

Китайские брелоки – самые французские в мире (и наоборот)!	6
Кто пьет воду?	9
Керамические Space Invaders[1]	11
Красный дом	13
Цвета и материи	14
Цыпленок в пепле с запахом дыма	15
Шаг против ветра	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ромен Пуэртолас

Очень-очень особенный детектив

Перевод с французского Дмитрия Савосина

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© 2017 Editions La Joie de lire S.A.– Geneva, Switzerland

Originally published under the title: Un Détective très très très spécial by La Joie de lire S.A
– 5 chemin Neuf, CH – 1207 Genève.

www.lajoiedelire.ch

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

Китайские брелоки – самые французские в мире (и наоборот)!

Я все думаю: неужели китайским туристам никогда не приходило в голову, что сувениры, которые они покупают у нас в Париже, сделаны у них, в Китае?

Каждый раз, когда я вижу, что из автобуса высыпались китайцы и озабоченными муравьями мечутся у меня по магазинчику, мне хочется забрать у них брелоки для ключей с Эйфелевыми башенками, какие они успели нахватать из корзинки при входе, и сунуть им под нос надпись: «Made in China», которая красуется на колечке.

Но вместо этого я с дружелюбной улыбкой пробиваю чеки. А если в настроении, выдаю пару-тройку известных слов на языке мандаринов – я запомнил их из фильмов с Джеки Чаном: «Ни хао! Се се!»

Да и как иначе? Начни я отваживать покупателей, хозяин меня бы не одобрил. К тому же я сильно сомневаюсь, что сумел бы отговорить хоть кого-то от приобретения этих баснословных сокровищ из белого металла, ради которых они проехали больше десяти тысяч километров.

Здесь, на Монмартре, торгуют мечтами, и обходятся они недорого. Косточка гладко спилена – значит, утиная ножка точно с птицефермы, лягушачья лапка от шестипалой лягушки, их специально разводят для рестораторов, а домашний десерт, каким манит надпись мелком на грифельной доске у бистро, привезли утром замороженным вместе с остальными двадцатью тремя порциями в большой коробке. Конечно, из дома, и очень большого, и называется этот дом фабрикой-кухней.

В сущности, Монмартр – чудесная обманка, квартал из папье-маше, раскрашенный в розовые тона, что-то вроде Диснейленда, который находится от него всего-то в сорока километрах лёта для Базза Лайтера.

И в нашем бизнесе, я имею в виду продажу сувениров, тоже все неплохо налажено. Так называемые «оригинальные полотна» гонит для нас один знакомый художник, а «ручную» живопись на майки наносят вьетнамцы в тринадцатом округе, и попробуй скажи кто-нибудь, что они не руками работают, а настоящие парижские береты привозят нам на самолете из страны, названия которой я и запомнить-то не могу – но знаю, что оканчивается она на «-стан».

Короче, видя, до чего легко обдурить туристов, я иногда думаю: у кого же из нас голова не в порядке – у них или у меня?

Кстати, о порядке: мой хозяин Рашид снова опаздывает, и у меня из-за него опять проблемы. Не могу же я уйти и бросить магазин без надзора, а ждать, пока он появится, я тоже не могу: мне пора бежать на другую работу. Думал бы мой хозяин о последствиях своих поступков, Земля бы вращалась ровнее. Но он занят только своей мелкой выгодой. Он знает: я профессионал, я не закрою магазин, когда у дверей толпятся туристы. Это его устраивает, и он этим нещадно злоупотребляет.

Наняв трисомика, Рашид рассчитывал удвоить оборот. И ошибся. Благодаря мне он его утроил. Кто бы мог подумать, что и в XXI веке можно нажать на человеческой беде? Хотя я вовсе не считаю, что я прямо-таки воплощение этой самой беды.

Мне вполне хватило бы и заработка в магазине, тем более что я до сих пор живу с родителями, так что не плачу за жилье, хотя время от времени я маме с папой помогаю. Мне уже тридцать, но они держат меня при себе – говорят, что хотят как можно лучше научить меня самостоятельности. По мне, так это парадокс. Но я с видом простачка не мешаю им соблюдать видимость контроля. Мне приятно их хоть чем-то порадовать.

Но однажды я все-таки уйду. И они ничего не смогут поделать. Я не буду больше для них обузой. Уйду и проживу своей жизнью. Своей собственной. Мама с папой меня оберегают

и многого мне не говорят, но я понимаю, что я не такой, как все, и жизнь у меня никогда не будет вполне нормальной. У меня, например, никогда не будет детей, я это уже выяснил. Но если мне повезет – я поживу и полюбуюсь еще весен двадцать вишнями в цвету, хотя кометы Галлея, скорее всего, я не увижу: она пролетит здесь в 2061 году. Но что бы о нас ни думали, не такие уж мы беспомощные, и есть много занятий поинтереснее, чем сетовать на судьбу. Узнавать все больше нового, к примеру.

В интернете я прочитал, что не меньше десятка людей с синдромом Дауна прекрасно учились вместе с нормальными студентами и даже получили дипломы в приличных университетах.

А еще я узнал, что в 2008 году некий Берт Холбрук, американец, попал в «Книгу рекордов Гиннеса» как самый старый человек, живущий с трисомией 21. Он скончался 14 марта 2012 года в возрасте 83 лет. Так что есть о чем помечтать!

Я сразу записал все это в свою зеленую тетраточку, куда записываю только хорошее: что помогает мне верить в будущее и придает сил.

Так что я вкалываю, надеясь со временем купить себе приличную квартирку в Париже и попрощаться с мамой и папой. Но не могу же я целыми днями обжуживать туристов на Мон-мартре, мне совестно, так что во второй половине дня с 13:00 до 16:00 я работаю «носом» в одной очень известной фирме, производящей дезодоранты. Туда-то я и опоздаю, если хозяин не появится прямо сейчас.

На второй моей работе никто не выставляет меня напоказ и не пытается заработать на моей внешности, хотя я и на Рашида не обижаюсь, он ведь это не со зла, а по глупости. В лаборатории, чтобы делать деньги, хватает моего носа, и мне кажется, что это куда благороднее.

Природа подсунула мне лишнюю хромосому в двадцать первую пару, поскупилась для меня на слух, который мне лечат с младенчества, но зато наградила обонянием гораздо выше среднего, почти как у Жана-Батиста Гренуя из «Парфюмера» Зюскинда. Уравновесила, черт ее подери, ничего не скажешь. Задница она вонючая за такие эксперименты!

В общем, если собачья чуйка равна миллиону человеческих носов, то мой нос равен примерно дюжине. Охранник супермаркета, который ходит с большой немецкой овчаркой, однажды сказал мне, что у собаки обонятельная мембрана – сто тридцать квадратных сантиметров (то есть она примерно с почтовую открытку), а у человека – всего три квадратных сантиметра (то есть примерно с почтовую марку). Мне стало жутко интересно, какая же мембрана у меня? Мне от этой информации ни жарко ни холодно, но я записал ее в зеленую тетраточку – из чистого любопытства.

Так вот, значит, я – «нос» знаменитой марки дезодорантов. Теперь упоминать названия марок запрещено. Даже по телевизору майки показывают с изнанки, чтобы, не дай бог, не подумали, что они рекламируют чей-то товар. Да мы-то все равно узнаем их с первого взгляда, так что трудно понять, чего они все из кожи вон лезут. По сути, если называть вещи своими именами, я – «обнюхиватель подмышек». Вторая моя профессиональная деятельность как раз в том и состоит, что после использования дезодоранта я приближаю нос и обнюхиваю подмышку – десяток в день, пятьдесят в неделю, две сотни в месяц.

Подмышки, хотя и чисто вымытые – условие оговорено в контракте, – все равно бывают с душком, который не истребишь ни мытьем, ни дезодорантом. Отличаются этим чаще мужчины, как раз те самые «крутые мужики», а я, увы, и работаю в мужской секции с крепышами. Но шеф обещал в самое ближайшее время перевести меня в женский отдел.

И тут вдруг я узнаю, что несколько месяцев назад в Сингапуре одного паренька приговорили к восемнадцати палочным ударам и четырнадцати годам тюрьмы за то, что он обнюхал подмышки у двадцати трех женщин в таких скверных местах, как лифты и полутемные паркинги. Мне страшно даже вообразить, что ожидало бы меня у них в стране – если я обнюхаю больше трех тысяч шестисот за год.

В панике я записал эту информацию в красную тетрадку, куда записываю дурные вести, и поскорее закрыл, как будто из нее вот-вот выскочит дьявол. Вот уж никогда не поеду в Сингапур...

Кто пьет воду?

Нынче утром я копался в интернете, разбираясь с отцом современной химии Антуаном Лавуазье, которого за преданную службу науке отблагодарили отсечением головы, потому что в годы царствования Людовика XV он еще и налоги собирал. И вот среди своих интернетовских изысканий я наткнулся на знаменитую загадку, приписываемую Альберту Эйнштейну, – хотя она скорее похожа на дело рук неудачливого старичка-психолога, который зарабатывает на жизнь проведением тестов IQ для типов вроде меня. Так вот, по мнению немецкого физика, которого впоследствии лишили родины и он стал швейцарцем, а потом швейцарцем-американцем, только два процента населения способны решить его головоломку. Мне, конечно, стало страшно интересно, и я принял вызов.

Благодаря этой мощной интеллектуальной встряске я к тому же могу понять сам, без маминых с папой сказок, на какое количество куриных мозгов расщедрилась для меня добрая и великодушная природа.

В магазине рядом с кассовым аппаратом я держу оранжевую тетрадку, куда записываю всё, что ни хорошо ни плохо, она открыта у меня на странице, куда я переписал загадку. Тетрадь с самого утра у меня под рукой – на случай, если улучу минутку и немного над ней подумаю.

Англичанин живет в красном доме. Испанец обожает свою собаку. Исландец – инженер. Кофе пьют в зеленом доме. Зеленый дом сразу слева от белого дома. У скульптора есть осел. Дипломат живет в желтом доме. Норвежец живет в первом доме слева. Врач живет в доме по соседству с тем, где живет владелец лиса. Дом дипломата по соседству с тем, в котором есть лошадь. Молоко пьют в доме посередке. Словенец пьет чай. Скрипач пьет апельсиновый сок. Норвежец живет возле синего дома. Кто пьет воду? Кто держит зебру?

На первый взгляд, чистейший абсурд. Скрипач пьет апельсиновый сок, у скульптора есть осел – пьеса Ионеско, да и только. Сбивает с толку обилие информации. Кажется, что придется разбираться со множеством самых разных вещей. Но это только так кажется, хитрость шита белыми нитками. Уже через секунду понимаешь: свяжешь две-три странных и неважных подробности – и дело пойдет.

Я пишу в тетради в клеточку и нарисовал в ней пять домиков. Я не слишком старался, да и вообще рисовальщик я неважный, особенно если срисовывать не с чего. Тут мы с папой совсем непохожи, потому что он как раз учитель рисования. Короче, я нарисовал домики, какими их себе представил, совершенно свободно, без всяких задних мыслей и без психолога-очкарика за спиной, который качает головой при каждом моем штрихе, думая о тяжелых травмах детства, что по-прежнему живы в моей душе, поскольку над трубой у меня нет дыма, а на окнах занавесок. Мои домики – обведенный квадрат, а над ним треугольник крыши. И всё.

Под первым я написал букву «Н» – ведь «Норвежец живет в первом домике слева». Под нарисованным сразу справа написал «Синий», поскольку «Норвежец живет возле синего домика». И, наконец, подрисовал под следующим маленький стакан с молоком – потому что «В доме посередке пьют молоко».

Чтобы до этого дойти, полноценным быть необязательно. Трисомик с каплей здравого смысла вполне на это способен. Мое честное слово. Раздумывая, что делать дальше, я решил, что загадка – отличное упражнение для мозгов. Всем полезно попробовать. Она в духе sudoku, в переводе «единственная цифра», только здесь вместо цифр фразы, понятия, их надо сопоставить между собой. Но почему-то людей, развлекающихся решением задач такого рода, в метро не видно – а вот маленькая японская решеточка, в которую надо вписать циферки, вездесуща, с ней встретишься в любых видах транспорта.

Немного времени, сосредоточенности – и станет понятно, как связаны между собой скрипачи, норвежцы и лисы, но у нас на Монмартре туристов пруд пруди, разве что в дождливые дни их меньше, да и то вряд ли.

Я откладываю тетрадь и ручку. Думаю, что стоящий передо мной мужчина – испанец, образцовый усатый мачо, он кладет перед моим носом две белые бейсболки с вышитой надписью «Париж». Тут же в мои ноздри ударяет резкий запах химии. Я различаю противные запахи полиэстера, клея для обуви и плавленого воска.

– Двадцать восемь евро! – говорю я, поспешно отодвигая бейсболки подальше от своего носа, и прячу их в зеленый пластиковый пакет, который пахнет не лучше. Турист, глазом не моргнув, протягивает мне пятьдесят евро. Почему-то мне кажется, что я мог бы сказать ему и тридцать восемь, и сорок восемь. Есть такие, кому плевать на цену, они приехали за границу только затем, чтобы спустить свои евро, как будто их евро не такие, как наши. Но в Испании сейчас кризис, я видел по телику. Поэтому я ничего такого не говорю – наверстаю на ближайшем автобусе с японцами. Сдачу сдаю, сколько показывает кассовый аппарат. Вот. За несколько секунд магазин получил прибыль в кругленькую сумму двадцать четыре евро – потому что бейсболки, заказанные в астрономических количествах, обходятся хозяину по два евро за штуку.

Довольный мужик направляется к выходу, на улице его ждет прелестная брюнетка в майке с вырезом и шортах, она ест мороженое. Брюнетка целует в щечку своего дружка, любовника, мужа или не знаю, кто он там ей еще, и быстренько напяливает синтетическую бейсболку себе на голову. Она красуется в ней, словно Мисс Чего-нибудь в бриллиантовой диадеме. Мне за нее почти стыдно. За сегодняшнее утро я продал таких уже семнадцать штук. Но могу пари держать, что она чувствует себя уникальной красоткой и сейчас пойдет собой любоваться во всех монмартрских витринах.

Я снова открываю тетрадку и свежим взглядом окидываю условия задачи. «Испанец обожает свою собаку».

Я хоть и не испанец, но у меня тоже была собака, ее звали Фара, и я ее обожал. Она умерла, уже несколько лет назад. Я так плакал, что мама больше не хочет заводить для меня никаких животных, даже золотую рыбку.

Я поднимаю голову и смотрю вдаль; даль для меня – это угол улицы Мулен-де-ла-Галетт. Испанка смотрит на свое отражение в витрине ресторана.

Испанка обожает свою бейсболку.

Я обожаю испанца, который купил бейсболку испанке, которая обожает свою бейсболку. Но еще больше я обожаю Рашида: его невероятно тощий силуэт нарисовался в проеме входной двери в магазин, и он машет мне рукой – я могу уходить.

Керамические Space Invaders¹

Однажды я сделал невероятное открытие: время, которое я трачу на дорогу от магазина до лаборатории, зависит от головного убора у меня на голове.

В шляпе сафари добираюсь ровно за полчаса. Надеваю черную шерстяную шапку «Рейдерс» – сорок минут, а если желтый непромокаемый капюшон – все сорок пять. В общем, разница четверть часа. Но кто бы что ни подумал, волшебства в этом нет. Нет ничего такого, что нельзя было бы объяснить при помощи логики. Дело в том, что по утрам я обязательно смотрю в окно, какая там погода, и решаю, что надену на голову и буду носить весь день, чтобы прикрыть лысину и защитить черепную коробку. Так что чистая правда, никакого колдовства: шляпа сафари – для солнечных дней, шерстяная шапка – когда холодно, а непромокаемый капюшон – если на дворе дождь. Ну, так вот, когда холодно или дождливо, мне требуется немного больше времени, чтобы добраться до лаборатории, потому что на улице может быть ветер, или гололед, или снег – в общем, любое погодное явление, от которого мне приходится защищаться, потому что я очень боюсь поскользнуться на крутой лестнице, что ведет на улицу Трех Братьев. В дождь монмартрские мостовые хуже катка, на каждом шагу коварная ловушка, и мне их все нужно избежать.

Сегодня мне повезло с погодой – день солнечный, и на мне шляпа сафари. Я чувствую себя искателем приключений. И если немного ускорю шаг, поспею вовремя.

И я, хоть немного, но иду быстрее.

Мой патрон, мсье Здоровьяк, мне нравится. И, между прочим, такую фамилию он носит не напрасно: в молодости он был в сборной Франции по плаванию. С тех времен и сохранил атлетическую статью, несмотря на свои пятьдесят три года. А здесь оказался из-за своего неуживчивого характера.

У меня в зеленой тетрадке не меньше сотни предпринимателей с описанием их карьеры, и я заметил, что среди них много спортсменов высокого класса, потом они занимают высокие должности, становятся директорами крупных фирм. В моем списке есть и Ингвар Кампрад, одержимый создатель «ИКЕА». Название его предприятия – акроним, состоящий из инициалов его имени и фамилии (ИК), Е – это первая буква слова Ельмтарид, так называется его семейная ферма, А – Агуннарюд – шведская деревня, где он родился. Еще в ранней юности его осенила гениальная идея – покупать спички оптом, а перепродавать по коробку. Возможно, это были сборные спички: с одной стороны тополиная палочка, с другой – красный шарик фосфора. Но как бы там ни было, все его клиенты были фермерами из близлежащих мест, и он доставлял им спички на дом, объезжая их на велосипеде, почему и удостоился попасть в мой список спортсменов... Потом Ингвар проделал такой же фокус с рыбой, елочными игрушками, карандашами и ручками. А сегодня каждый десятый ребенок зачат в купленной у него кровати, сделанной из сосны. Я никогда не спрашивал у родителей, как обстоит дело насчет меня, – а ведь если «да», это многое объяснило бы. Значит, генный набор прибыл ко мне при рождении в разобранном виде, и в нем была одна лишняя хромосома – всегда, когда собираешь мебель из «ИКЕА», в руках остается лишняя деталька, и никто никогда не знает, что с ней делать...

Мсье Здоровьяк мне нравится потому, что взял меня на работу не как трисомика, чтобы отчитаться по квоте для набора инвалидов, а за мои профессиональные качества и относится ко мне точно так же, как к любому другому сотруднику своей фирмы, ни тени покровительства. Он человек и добрый, и справедливый, а таких не так уж много на свете.

Вот и сегодня – я вхожу в лабораторию, а он грозно меня окликает:

¹ Space Invaders – видеоигра 1978 года, ставшая культовой. Здесь речь идет о стрит-арте, мозаиках в виде пиксельных пришельцев из видеоигры, авторства французского уличного художника Space Invader.

– Гаспар, вы опоздали на десять минут!

Мне нравится, что он зовет меня по имени, даже когда сердится. Да, я ставлю такое условие всем, с кем имею дело по жизни. Факт есть факт: я не переношу свою фамилию.

– Простите меня, мсье. Я совсем забыл, что на Монмартре сегодня карнавал. Когда выходил из магазина, меня подхватила шумная толпа.

Боже меня упаси сказать, что я несколько раз останавливался и сделал прекраснейшие снимки. С тех пор как я решил перефотографировать всех Space Invaders, которых стали выкладывать из керамической плитки на стенах парижских домов, у меня на шее всегда висит старенький пленочный «Олимпус Трип 35», и – искушение слишком велико – я щелкаю все, что мне попадется по пути. Должно быть, длительное общение с туристами превращает поне-много и меня в одного из них.

– Уже второй раз за эту неделю, Гаспар! И всегда у вас наготове уважительная причина. Смотрите, не зарывайтесь, а то удержу из вашей зарплаты за ближайший месяц. Живо за работу!

Я киваю, не вымолвив ни словечка, и иду в раздевалку – надевать халат.

Красный дом

Контраст между лабораторией, где царит тишина – я бы сказал, мертвая, – чистота и стерильность, и шумом, суетой, беспорядком, толкотней сувенирного магазинчика на Монмартре разителен. Лаборатория – это Швейцария. Магазинчик – Китай.

Каждый день я без всякого паспорта перехожу через границу двух миров, нейтральная полоса между которыми растянулась на весь восемнадцатый округ. Требуется время, чтобы перестроиться. Ты как будто, вернувшись домой с концерта Guns N' Roses, ставишь Моцарта.

По дороге я думал немного и о загадке Эйнштейна, в раздевалке быстренько открыл оранжевую тетрадь и, пока не забыл, пометил буквами «З» и «Б» два домика, потому что «Зеленый дом расположен сразу налево от белого дома».

Сделал пометки на рисунке, и все стало гораздо яснее. Зеленый дом – это кофе, значит, он не может быть посередке, потому что известно: в доме посередке пьют молоко. Значит, зеленый дом четвертый, а белый – следующий с правой стороны. Из этого вытекает, что посередке находится красный дом, в котором живет англичанин, так как первый, который тоже мог бы подойти, уже занят норвежцем.

Мысли цепляются одна за другую с такой скоростью, что ручка за ними не поспевает. Хорошо еще, что услышал шаги в коридоре, а то так бы и сидел в раздевалке, выводя торопливые каракули под моими домиками.

Я поспешно прячу тетрадку за спину, точно мальчишка, застигнутый на месте преступления врасплох. Не вышло. Элен меня застукала.

– Гаспар! – изрекает пожилая дама, входя. – Это уж чересчур!

Я кладу оранжевую тетрадь на скамейку и отмечаю страницу ручкой из нашего магазина с надписью «Париж». У меня этих ручек штук двадцать, я их повсюду забываю.

Взяв Элен под локоток, я выхожу из раздевалки, полный решимости разгадать загадку Эйнштейна, как только вернусь домой.

Цвета и материи

Я работаю «носом» уже три долгих года, но удивляюсь до сих пор, что один и тот же дезодорант пахнет совершенно по-разному в разных подмышках. Полагаю, виной всему первородный грех. Пахнут мы все одинаково, феромоны, без которых не обходится соблазнение, не могли бы выполнить свою роль, что имело бы самые пагубные последствия для всего человеческого рода. Я прочитал об этом в интернете. В худшем случае людей перестало бы тянуть друг к другу, деторождение прекратилось и наши цивилизации рухнули. В лучшем случае женщина, мусорный контейнер и сыр мюнстер пахли бы для нас одинаково. Потому лаборатории и лезут вон из кожи, стараясь, чтобы всякие там дезодоранты и мыло улучшали наши запахи, но не уничтожали бы их начисто.

В зеленой тетрадке я составил опись всех запахов, какие встретил за время моей работы.

Например, белые пахнут мокрой травой. Белый толстяк – скисшим молоком. Запах черного похож на запах кожи, выдубленной шкуры животного. Черный толстяк пахнет так же. Азиат пахнет пластмассой. Толстого азиата я никогда не встречал и не обнюхивал. Индус – газетной бумагой. Восточный человек – цементом. Португалец – краской...

Есть люди с таким сильным запахом, что даже после применения чудодейственного дезодоранта кажется, будто они использовали лосьон, настоящий на наполнителе кошачьего лотка.

Постоянно нюхая других, я однажды из любопытства сунул нос и в собственную подмышечную впадину. Белый с лишней хромосомой пахнет, как лес Фонтенбло в предрассветный час, когда дубовые листья и сосновые колючки еще не надели на себя ожерелий из бусинок росы. Нет, а если серьезно, мои подмышки пахнут хлопком и полиэстером, но это тогда, когда я в рубашке.

Цыпленок в пепле с запахом дыма

Ровно в 16:00 звонят мои часы-калькулятор «Касио». Я как раз заношу в технический паспорт сведения о том, что нанюхал под мышкой у Ноама. В ноздрях приятные ароматы лимона, мяты, пастилок «Виши», цыпленка и дыма. Моя задача уловить всю гамму запахов, включая самые глубинные, чтобы потом сравнить их с изготовленным образцом. Мсье Здоровьяк собирается завоевать рынок новым мужским дезодорантом R-класса.

Мобилизован весь штат сотрудников. В белом зальчике нас десять «обнюхивателей» и столько же «обнюхиваемых». Обнаженные до пояса подопечные стоят гуськом, подняв одну руку, и под каждой поднятой рукой полуприсел сотрудник в халате. На взгляд непосвященного в этой сцене, безусловно, есть нечто диковинное. А возможно, и отталкивающее.

Через три минуты пятьдесят секунд после звонка моих «Касио» раздается звонок, возвещающий о конце рабочего дня (время – деньги у мсье Здоровьяка!), и колонна подопытных кроликов – миглом врассыпную, точно военный отряд, получивший увольнительную в город.

Ноам опускает руку, кивает мне на прощание и надевает рубашку. Девять остальных точно так же кивают, надевают рубашки, и они все вместе выходят в раздевалку.

Я машу Ноаму, Пьеру, Вилфриду, Абделю, Сержу, Сирилу, Доминику, Вальтеру, Амиду, Лео. И немного задерживаюсь с коллегами, кончая заполнять технический паспорт. Сегодня он не стандартный – от нас ждут мнения о новом дезодоранте. Нас десять человек, и каждый имеет право голоса. Решение остается за мсье Здоровьяком – но он всегда к нам прислушивается, когда его принимает.

А к моему мнению он прислушивается с особым вниманием.

Я пишу в соответствующей графе «мнение благоприятное», ибо образчик обладает гармоничным сочетанием запахов свежести и одновременно крепости, достойным лучших парфюмов. И его уровень – R-класс – нам об этом напоминает. Этот дезодорант не из тех, какими пользуются, поиграв в регби, а потом приняв душ. Он создан для обонятельного гурманства, он для торжественных случаев. Его хочется съесть.

Я кладу технический паспорт в конвертик и отдаю начальнице отделения. Элен берет его и деликатно – но так, чтобы я все же заметил, – помещает мой конвертик поверх всей стопки, а потом одаряет особенной улыбкой, словно хочет меня обольстить. Я среди здешнего обслуживающего персонала – единственное лицо мужского пола.

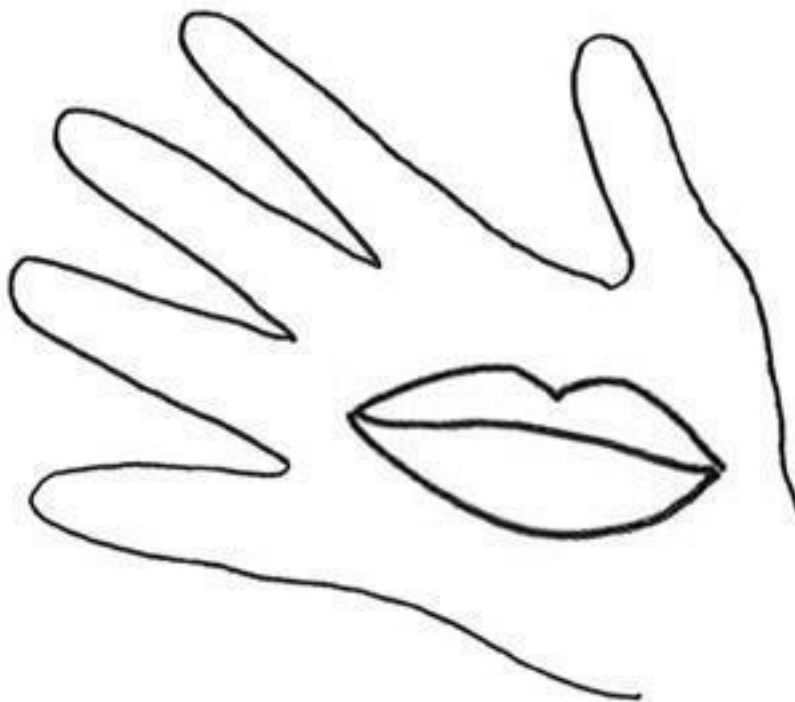
Я уже в дверях, но тут появляется мсье Здоровьяк и удерживает меня. Он громко откашливается, прочищая горло, несколько раз ударяет себя в грудь кулаком, а потом официально объявляет, что сегодня вечером улетает на самолете в Рио-де-Жанейро. Он не объясняет цель поездки, но, я думаю, он ищет инвесторов или хочет прощупать бразильский рынок. Он часто отправляется на другой конец света – поохотиться за крупными контрактами. Вернется только на будущей неделе и, как всегда, поручает руководство лабораторией своему заместителю – мсье Голуа. Услышав свое имя, маленький человечек тут же появляется из тени хозяина-атлета, будто родился из его подмышечной впадины. Все невольно вздрогнули. Никто не заметил, как он вошел, мы смотрели только на нашего крупногабаритного харизматичного патрона. И неудивительно, Голуа – полная противоположность мсье Здоровьяку. Он бесцветен, грустен, консервативен, замкнут, у него холодные влажные руки. Куда ему до первоклассного спортсмена, набирающего обороты на новом поприще! Таким, как он, люди не доверяют, вот и приходится ему то и дело повышать голос – жалкий твякающий пуделек, затесавшийся в стаю молчаливых питбулей. Свою работу он ненавидит, потому что всегда мечтал стать певцом, но голоса у него не больше, чем у четырехлетнего. Нас он тоже ненавидит. Особенно меня. Он боится тех, кто не похож на всех.

Пока все служащие с постными лицами, молча, слушают мсье Голуа, повторяющего вековые правила, действующие в отсутствие главного, я улыбаюсь. Элен тихонечко толкает меня локтем. Должно быть, решила, что у меня обострение, приступ идиотизма. Но я улыбаюсь, потому что меня здесь уже нет, и я не слушаю злобную шавку. Я думаю о своих домиках и оранжевой тетради, ожидающих меня в раздевалке, и все размышляю и размышляю: кто же пьет воду? Кто держит зебру?

Шаг против ветра

Если бы рот у нас был на ладони, нельзя было бы говорить, пожимая руку. И это было бы неприятно. А еще неприятнее, что пришлось бы каждое утро целоваться в губы неизвестно с кем, иной раз даже с темными личностями.

Зато как было бы удобно с мамой: возьми ее руку и держи, пока она не замолчит.

16 часов 46 минут.

Я только что пришел с работы, сижу на кухне – намазываю на хлеб вишневое варенье.

Мама у меня кинетист (называю неправильно, потому что никогда не мог выговорить слово «кинезиотерапевт»). У нее собственный кабинет, и в жизни она, в общем, делает, что захочет, и уже давным-давно решила, что после 15:00 никогда работать не будет.

Поэтому, хотя еще достаточно рано, а она уже дома, на кухне, рядом со мной.

И говорит, говорит без умолку. Рассказывает мне, как прошел день, о разных чудачествах своих пациентов, об их проблемах – они ей доверяют, рассчитывают на врачебное умение хранить тайны. Так что, вообще-то, она зря распространяется, хотя с другой стороны, я ее сын и никогда никому ничего не выдам. Даже если бы захотел, то не смог бы, потому что я ее не слушаю.

Маме пятьдесят три, она очень красивая, худенькая, с пышными каштановыми волосами. С первого взгляда видно, какая она слабенькая и хрупкая. Это такой женский архетип (обожаю это словечко), он привлекает мужчин, пробуждая в них инстинкт самцов-покровителей. Я на эту тему смотрел суперинтересные документалки из жизни животных. Но на самом деле мама – женщина решительная, энергичная, знает, чего хочет и что делает. Под рукавами ее воздушных блузок прячутся тонкие, но мускулистые руки, способные справиться с любыми мышечными зажимами, спазмами и узлами. Уж кому-кому, а мне эти руки точно знакомы: стоит мне не послушаться, и я получаю такую оплеуху, что, кажется, голова оторвалась. Мне уже тридцать,

но для нее я по-прежнему малыш. Иногда мне хочется, чтобы она считала меня взрослее. Было бы не так больно. Щекам, я имею в виду...

Когда она, глядя на меня глазами, полными слез, меня обнимает – то кажется беззащитной принцессой. Но стоит освободиться от ее объятий, как я понимаю, что побывал в тисках мощного гидравлического пресса весом в пару тонн, и удивляюсь, что ребра у меня целы.

Примерно так же я чувствую себя, когда мама осваивает на мне, как на подопытном кролике, новые приемы массажа. Я тогда удивляюсь, как это к ней еще ходят клиенты. Неужто в Париже столько садомазохистов?

Сперва я съедаю хлеб с вареньем, потом выпиваю стакан молока. Сажусь за столом. Солнце освещает кухню через застекленную дверь, ведущую в сад. Чудесный денек. Мама, по своему обыкновению, стоит. Она садится, только когда мы завтракаем или ужинаем, и еще – если ее заставляет папа. Она что-то говорит мне, потягивая морковный сок. И нисколько не интересуется, слушаю я или нет. Ей плевать. А я и не слушаю. Я читаю газету, которую папа оставил утром на столе, уходя на работу.

Однажды в этой самой газете я прочел, что моего кумира Майкла Джексона вдохновил на создание знаменитой «лунной походки» какой-то французский мим. Хлеб с вишневым вареньем выпал у меня из рук, и я даже не взглянул, какой стороной он упал на пол. Я оставил маму с морковным соком и дальше повествовать о своей жизни, а сам стремглав понесся к себе в комнату – нарыть о миме побольше информации.

Помню, что первым делом занес свое открытие в зеленую тетрадку, потому что сразу решил, что новость необычная, хотя она легонько потеснила Майкла с пьедестала – я-то считал, что он сам такое придумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.